

IMAGES OF CATHERINE THE SECOND IN THE POST-SOVIET TATARSTAN: EBI PATSHA, THE GREAT EMPRESS AND SOLD ALASKA

Vera V. Galindabaeva (a)

(a) Sociological Institute RAS – Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Science. Saint-Petersburg, Russia. Email: vgalindabaeva[at]gmail.com

Abstract

Catherine II is the only ruler of the Russian Empire whose image is endowed with the most positive features in the public space of post-Soviet Tatarstan. The memory of her is fixed with the help of various commemorative forms: monuments, exhibitions, artworks, and performances are dedicated to her. Based on the analysis of expert interviews, popular science publications and articles in the media, we reconstruct the main versions of the history of the reign of Catherine II, which are promoted in the region. Based on interviews and mass polls, we show how the image of Catherine II is estimated and interpreted by ordinary residents of Tatarstan. The regional policy of memory represents the era of Catherine as the heyday that came after the era of decline, the fall of the Kazan Khanate. However, this time seems to be relatively favorable for the Tatars, because the Tatar people were deprived of the right to their statehood. The image of Catherine II in the mass representations of the inhabitants of Tatarstan is less controversial. Her activity is assessed unambiguously positively. The influence of communicative memory and the general Russian context lead to the fact that ordinary people consider significant events that are not in the discourse of the national movement.

Keywords

Tatarstan; historical memory; national history; memory policy; ideology; Catherine the Great

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБРАЗЫ ЕКАТЕРИНЫ II В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ЭБИ ПАТША, ВЕЛИКАЯ ИМПЕРАТРИЦА И ПРОДАННАЯ АЛЯСКА

Галиндабаева Вера Валериевна (а)

(а) Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН. Санкт-Петербург, Россия.
Email: vgalindabaeva[at]gmail.com

Аннотация

Екатерина II – это единственный правитель Российской империи, чей образ наделен наиболее положительными чертами в публичном пространстве постсоветского Татарстана. Память о ней закрепляется с помощью различных коммеморативных форм: ей посвящают памятники, экспозиции, художественные произведения, спектакли. На основе анализа экспертных интервью, научно-популярных изданий и статей в СМИ, мы реконструируем основные версии истории правления Екатерины II, которые продвигаются в регионе. На базе интервью и массового опроса показываем, как оценивается и интерпретируется образ Екатерины II обычными жителями Татарстана. Региональная политика памяти представляет эпоху Екатерины как время расцвета, которое наступило после упадка, падения Казанского ханства. Однако это время представляется как относительно благоприятное для татар, потому что татарский народ был лишен права на свою государственность. Образ Екатерины II в массовых представлениях жителей Татарстана менее противоречив. Её деятельность оценивается однозначно положительно. Влияние коммуникативной памяти и общего российского контекста приводят к тому, что обыватели считают значимыми события, которых нет в дискурсе национального движения.

Ключевые слова

Татарстан; историческая память; национальная история; политика памяти; идеология; Екатерина Великая

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена анализу конструирования исторической памяти о Екатерине Великой в современном Татарстане. Особое внимание уделяется сравнению версий истории, которые производятся разными агентами формирования памяти (журналистами, историками, писателями), с повседневными представлениями жителей Казани о Екатерине.

Дебаты, посвященные исторической памяти, стали особенно популярны в исследованиях идентичности и национализма на постсоветском пространстве. Достаточно много работ было посвящено теме конструирования элитами Татарстана национальной истории татарского народа и Татарстана (Rorlich, 1999; Исхаков, 1999; Davis et al. 2000; Shnirelman, 1996; Шнирельман, 2002; 2016; Zverev, 2002; Усманова, 2003; Овчинников, 2010).

Отдельные исследования посвящены изучению влияния татарских элит на массовые исторические представления жителей республики. Н.И. Карбаинов показывает, что существуют две основные позиции учёных по вопросу влияния татарских элит на повседневные представления жителей республики об истории своего края. Приверженцы первой позиции утверждают, что это влияние значительное, второй – что оно скромное. Сам автор придерживается второй точки зрения и на примерах образа Ивана Грозного, идеологемы 1552 года и других показывает, что версии истории, производимые татарской элитой, не востребованы и не известны на повседневном уровне. Оценка исторических событий, представленная в национальных версиях истории, не совпадает с той, которую дают обычные жители (Карбаинов, 2018а; Карбаинов, 2019а; Карбаинов, 2018б; Карбаинов, 2019б; Галиндабаева, 2019).

В данной статье будет рассмотрена ситуация, когда оценки исторической фигуры со стороны элиты и простых граждан наиболее близки. Екатерина II – это единственный правитель Российской империи, чей образ наделен наиболее положительными чертами в публичном пространстве Татарстана. Память о ней закрепляется с помощью различных коммеморативных форм: ей посвящают памятники, экспозиции, художественные произведения и т.д. Жители Казани, как будет показано далее, также очень позитивно оценивают её деятельность.

Необходимо установить, насколько этот консенсус можно объяснить влиянием региональной политики памяти, и насколько версии истории правления Екатерины Великой, выдвигаемые региональными элитами, совпадают с интерпретациями жителей Татарстана. Таким образом, задачи нашего исследования состоят в том, чтобы, во-

первых, проанализировать исторические дискурсы о периоде правления Екатерины II, которые транслируются через СМИ, учебники и научно-популярную литературу, и во-вторых, рассмотреть, как представлен этот же образ в массовых представлениях жителей Татарстана.

Рассмотрим методологические основы наших разысканий, опишем их эмпирическую базу.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Морис Хальбвакс показал, как национальные группы создают память о своем прошлом, которая представляет собственный образ, подчеркивает сходства членов группы и их отличия от других групп. Он ввел разделение между историей и коллективной памятью, утверждая, что история или историография производят достоверную картину происхождения и жизни группы. История существует вне социальной памяти, которая изменчива и подвержена искажениям (Хальбвакс, 2005). Ян Ассман выделяет две основные формы коллективной памяти: коммуникативную и культурную. Первая представляет собой исторический опыт в рамках биографических воспоминаний, возникающий в процессе социального взаимодействия и охватывающий 3–4 поколения, или 80–100 лет. Вторая конструируется и культивируется специалистами, фиксирующими определенные моменты в прошлом. Музеи, памятники, праздники, ритуалы – все это артефакты культуры, созданные с целью поддержания и воспроизводства исторических представлений внутри социальной группы (Ассман, 2004).

Отделение истории от коллективной памяти по принципу истинности позже было поставлено под сомнение другими авторами. Сегодня история рассматривается как одна из форм коллективной памяти (Зерубавель, 2011; Олик, 2012). Джеффри Олик рассматривает историю и историографию как часть ландшафта воспоминаний, который составляют также фестивали, юбилеи, монументы, руины, фотографии и т.п. Автор уделяет большое внимание агентам / институтам и средствам передачи памяти, формирующим этот ландшафт. Журналисты, политики, художники, писатели, аналитики, семьи, школы – все производят разные виды прошлого. Он приводит классификацию Питера Райхеля, который выделяет 4 типа способов передачи памяти: аффективные способы (фестивали, юбилеи), эстетико-экспрессивные (места памяти, руины, мемориалы), инструментально-когнитивные способы передачи памяти (история, историография) и политически-моральные (амнистия, репарации). Журналистику и средства массовой информации Олик рассматривает как один из важнейших способов воздей-

ствия на память в современном мире. В отличие от других средств передачи памяти, СМИ и в частности телевидение позволяют испытывать ощущение сопереживания опыта (Олик, 2012).

Историю и историографию в один ряд с другими формами коммеморации, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память, ставит и Я. Зерубавель. Коллективная память склонна к изображению прошлого в черно-белых тонах, что приводит к нагнетанию контраста между разными историческими эпохами и формированию однозначного отношения к той или иной эпохе. Одни периоды рассматриваются как упадок, другие – как расцвет. Очень часто время, когда народ входил в состав империи, характеризуется негативно, так как рассматривается как лишение народа на реализацию права на государственность. В рамках общей повествовательной конструкции выделяются единичные события / эпизоды, которые презентуются как поворотные моменты, изменившие ход исторического развития общества. Эти события и отмечаются с особой торжественностью (Зерубавель, 2011).

Таким образом, коллективная память производится разными агентами / институтами и принимает разные формы. В данном исследовании мы рассматриваем основные версии истории правления Екатерины II, которые продвигает региональная элита с помощью таких средств, как учебники, статьи в СМИ, памятники, календарь памятных дат, музей. Мы покажем, почему правление Екатерины II вписывается региональными экспертами в татарскую историческую идеологию как поворотная эпоха в развитии татарского народа.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Исследование проводилось в 2014 году в рамках проекта «“Войны памяти” и “конвенции памяти” в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма Казанского федерального университета при поддержке программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013–2014).

В базу проекта вошли 170 интервью с экспертами и простыми жителями Казани, а также подборки статей региональных СМИ, посвященных истории. Интервью проводились в соответствии с критериальной выборкой. Информанты делились на носителей элитарного знания и повседневного. В категорию экспертов, носителей элитарных версий истории относились историки, общественные активисты, деятели культуры, священники и т.д. В категорию носителей повседнев-

ных версий относились люди, не имеющие профессионального исторического образования, не занятые в общественно-политической деятельности, не участвующие в культурных организациях. Екатерина II упоминалась в 933 статьях следующих изданий: «Республика Татарстан», «Татар-информ», «Вечерняя Казань», «Звезда Поволжья», «Бизнес-онлайн». Первые два («Республика Татарстан», «Татар-информ») причисляются к официальным СМИ. Газеты «Вечерняя Казань», «Звезда Поволжья», «Бизнес-онлайн» – это относительно независимые издания. В базу исследования также вошли учебники и научно-популярные издания, посвященные истории Татарстана и татарского народа.

В анализе используются данные анкетного опроса жителей Казани (N = 1 000 респондентов). Поквартирный опрос проводился в 2014 году во всех районах города Казань. Количество опрошенных – 1 000 человек. В соответствии с распределением русских и татар в генеральной совокупности было опрошено 500 татар и 500 русских. Доля мужчин и женщин в выборке примерно совпадает с долей мужчин и женщин в генеральной совокупности: мужчин – 44,4 %, Женщин – 55,6 %. Минимальный возраст респондентов – 18 лет, максимальный – 89 лет. Средний возраст – 41,6 лет (ст. ошибка среднего – 0,51). Большинство опрошенных (71 %) относятся к категории людей, имеющих доход от 9 000 до 29 000 рублей. Ислам исповедуют 464 респондентов, православие – 442 респондента. Конфессиональная принадлежность сильно связана с национальностью респондента. Большинство татар исповедуют ислам, большинство русских – православие. Материалы анкетного опроса анализировались с помощью частотного распределения, таблиц сопряженности, критерия хи-квадрат.

Итак, на основе анализа таких средств передачи памяти, как экспертные интервью, научно-популярные издания и статьи в СМИ, мы покажем основные версии истории правления Екатерины II, которые продвигает региональная элита. На базе интервью и массового опроса станет понятно, как оценивается Екатерина II обычными жителями Татарстана.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Умеренные татарские националисты с начала 1990-х гг. вырабатывают основные положения национальной идеологии Татарстана (в том числе национальной истории). Радикальные националисты конкурируют с умеренными, но не получают такой же поддержки со стороны элит (Мухаметдинов, 2006; Карбаинов 2018б). Основными агентами и институтами, производящими господствующую версию нацио-

нальной истории, являются Институт истории Академии наук Татарстана, К(П)ФУ и другие научные и учебные заведения, Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т.д. (Гилязов, 2000; Усманова, 2003; Graney, 2009; Карбаинов 2018а). Карбаинов Н.И. выделяет следующие элементы, из которых состоит татарская историческая идеология: «1) балансирование между татарским этнонационализмом и гражданским национализмом («татарстанизмом»); 2) пантатаризм; 3) идея потерянной в 1552 году и вновь обретенной в 1990-е годы государственности; 4) исламоцентризм; 5) евразийство; 6) тюркизм» (Карбаинов, 2018а; Карбаинов, 2018в).

Результаты анализа эмпирического материала показывают, что образ Екатерины Великой привлекается историками, журналистами и краеведами чаще всего в рамках конструирования идеологом пантатаризма и исламоцентризма. Рассмотрим подробнее, какое значение приобретает образ Екатерины II в перечисленных дискурсах.

Имя Екатерины II всегда тесно связывается с историей присоединения Крымского ханства к Российской империи, последнего государственного образования этнографической группы татар, а именно – крымских татар. Вхождение Крыма в состав русского государства оценивается как положительное событие в истории татарского народа в рамках господствующего дискурса умеренных националистов. Например, Татар-информ, правительственное издание, с 1998 года и до событий 2014 года опубликовало 15 статей, посвященных истории основания Севастополя и Черноморского флота. Почти все эти статьи начинаются со следующей фразы: «Апрельским Указом Екатерины II в 1783 году крымский полуостров был взят под юрисдикцию Российской империи» (Татар-информ 21.02.2008). На первый взгляд кажется противоречивым, что это событие оценивается положительно, в то время как падение Казанского ханства, то есть потеря одного из государственных образований татар, представляется главной трагедией татарского народа. Необходимо вспомнить основные идеи пантатаризма, чтобы понять посыл: во-первых, татарский мир включает в себя не только Татарстан, но и другие территории, на которых проживают сибирские татары, крымские татары, литовско-польские и другие; во-вторых, именно Татарстан осмысливается как центр татарского мира (Карбаинов, 2018в). С этой точки зрения, важность завоевания Крыма объясняется тем, что «все группы татар были объединены в составе Российской Империи» (История Татар, 2014: 610).

Газета «Звезда Поволжья», представляющая радикальное течение национального татарского движения, публикует статьи, в которых представляют присоединение Крыма как трагедию. В 2014 году в свя-

зи с ситуацией вокруг Крыма авторы газеты вспоминают историю присоединения полуострова к Российской империи:

«Правда, есть попытки придать благоприятный оттенок трагедии завоеванию Крымского ханства при Екатерине II. Тогда якобы князь Потемкин умел договариваться с татарами. Действительно, умел договариваться, но не с народом, а с некоторыми людьми из числа элиты. В ходу были тогда подкупы, угрозы» (Тагиров, 2014).

Таким образом, мы наблюдаем существенную разницу между умеренными и радикальными националистами в интерпретации истории присоединения Крыма к Российской империи при Екатерине великой. Для радикальных националистов Екатерина II, уничтожившая последнее татарское государство, стоит в одном ряду с Иваном Грозным, завоевавшим Казанское ханство в 1552 году. Умеренные националисты рассматривают этот факт положительно, так как она объединила всех татар в рамках одного государства.

С точки зрения идеологемы исламоцентризма образ Екатерины II конструируется уже как антипод образа Ивана Грозного. Иван IV представлен как злодей, исторический враг татар, который не только лишил их государственности, но и положил начало насильственной христианизации. Роль ислама в истории Татарстана оценивается только позитивно, в отличие от негативных оценок православия (Карбаинов, 2019). Екатерину II часто называют эби-патша или бабушка-царица: «А императрица <...> так авторитетна среди татар, что ее до сих пор называют "эби патша". А ведь уже два с половиной века прошло с тех времен, когда царица разрешила строить мечети в Казани...» (Валеев, 2013). Период её правления рассматривается как «золотой век» татар в Российском государстве, потому что была закрыта новокрещенная контора, издан указ о веротерпимости и учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание. Старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан Б.И. Измайлов, ответственный секретарь 5 тома Истории татар за XVIII век, озвучивает эту позицию так:

«...если остановимся на Золотом Веке, тут для себя лично как для исследователя я считаю "золотым веком" начало XIX века, то есть, конец XVIII и начало XIX века. Почему? Ну, во-первых, с эпохой Екатерины II появилась возможность у татар, они действительно были встроены собственно в Российскую империю как часть этого российского государства. То есть государство признало их как часть граждан. Они действительно стали гражданами не просто, как на протяжении первой половины XVIII века. Это в действительности были очень тяжелые периоды жизни для татарского народа: и ущемление их прав с точки зрения религии, христианизации

попытки были довольно серьезные. <...> Как раз с эпохи Екатерины II начинается такой момент, когда постепенно, встраивается, татарское общество в общероссийское, имперское. <...> Появились в большом количестве мечети, которые были построены, то есть, с этого момента и появляются и школы татарские – мектебе» (БТ-4).

В СМИ и научно-популярной литературе критически обсуждаются истинные причины изменения политики в отношении мусульман, несмотря на столь положительную оценку влияния деятельности Екатерины II на судьбу татар. Императрица изменила отношение к исламу не из добросердечного отношения к чужой вере, а из необходимости решать стратегические вопросы развития империи. Она стала использовать ислам для управления мусульманами:

«Екатерину II трудно заподозрить в симпатиях к мусульманской религии, ее высочайшее благоволение к ней – не более чем политика. Поняв, что упорных мусульман силой не отворотить от веры их отцов и дедов, власть решила действовать по-другому: управлять мусульманской частью своих подданных через специально созданный и полностью подконтрольный ей духовный орган. <...> С 1789 по 1917 год сменилось 6 муфтиев и 63 казья (мусульманских судей), все они назначались Высочайшим указом и были проверенными и верными престолу» (Миргазизов, 2002).

В учебниках мы также встречаем имя Екатерины в контексте исламоцентристского дискурса. Тема изменения отношения к исламу в российской империи одинаково подробно рассматривается в разных изданиях. В отличие от научно-популярной литературы и СМИ, в учебниках поднимается тема областных реформ времен Екатерины, в результате которых территория Казанской губернии изменилась. В целом этот сюжет соотносится с идеологемой потерянной в 1552 г. и обретенной в 1990-е гг. государственности, так как реформа негативно повлияла на территориальные границы обретенной государственности в рамках субъекта Российской Федерации.

В учебнике под редакцией В.И. Пискарева последствия реформы оцениваются больше в негативном ключе, так как граница проводилась не в соответствии с расселением этнических групп. В итоге «нерусские народы края были разобщены между различными губерниями». Здесь авторы подразумевают татар, которые попали, например, в Нижегородскую губернию (История 2001). Авторы учебника для ВУЗов, изданного под грифом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации, описывают областную реформу XVIII века как «раздел Татарстана между русскими губерниями» (Сабинова, Шарапов 2009). Градус негативной эмоциональной оценки реформы значительно повышен в этом описании, так как учебник под

авторством Д.К. Сабировой и Я.Ш. Шарапова написан в русле радикального татарского национализма.

Образ Екатерины, представленный в учебниках, научно-популярной литературе и СМИ, в целом положителен, но не лишен противоречий. Её называют эби патша (бабушка-царица), а её правление рассматривается как золотой век, возрождение татар в рамках российского государства. В то же время авторы недовольны тем, что Екатерина II использовала ислам в качестве инструмента управления и усмирения татар, то есть проводила политику в интересах своего государства, а не в интересах благоденствия этой этнической группы. Оказывается, возрождение ислама – это побочный продукт имперской политики. Особенно ярко это противоречие в оценках деятельности императрицы проявляет себя в дискуссиях по вопросу установки памятного знака Екатерине II на противоположном от Старо-Татарской слободы берегу озера Кабан в Казани (Бадретдин, 2016; Бустанов, 2016).

Памятный знак императрице так и не установили, но в центре Казани уже есть посвященный ей артефакт. Бронзовая копия кареты Екатерины II украсила улицу Баумана в 2000 году. Деревянная карета, с которой снимали копию, находится в музее и является ценной частью экспозиции. Две эти кареты – деревянная и бронзовая – призваны увековечить в памяти населения города путешествие Екатерины в Казань и её положительную роль в судьбе жителей губернии. С 2000 по 2015 год этим повозкам было посвящено более 50 статей.

Карета Екатерины II представляется нам идеальным примером того, что Э. Хобсбаум называл изобретением традиций (Хобсбаум, 2000). Доподлинно известно, что экипаж, изготовленный во Франции в XVIII веке, архиепископ Павел передал летом 1889 года городской Думе. Тогда в XIX веке предположили, что эта карета могла принадлежать императрице. Однако документы, подтверждающие, что на этой карете Екатерина II передвигалась по Казани, до сих пор не найдены (Райхштат, 2017). Тем не менее, никто не отказывается от этой изобретенной в XIX веке памяти, ведь формулировка «карета времен Екатерины II» лишает экспонат значимости и привлекательности в глазах агентов, конструирующих исторические дискурсы.

Итак, образ Екатерины Великой стал неотъемлемой частью идеологием пантатризма и исламоцентризма в рамках региональной политики памяти в Татарстане. Возвращаясь к тезису Я. Зерубавель о том, что в национальной коллективной памяти всегда выделяются эпохи расцвета и падений, стоит отметить, что екатерининская эпоха представляет такой пример. Время правления императрицы рассматрива-

ется как самый благоприятный для татар исторический период после окончания Казанской войны. Далее рассмотрим, как Екатерину II оценивают обычные жители Казани.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В нарративах интервью с жителями Казани можно выделить несколько тем, в связи с которыми упоминается имя Екатерины II. Во-первых, время правления Екатерины Великой рассматривается, как «золотой век» татарской истории. Интерпретация событий этого периода соответствует версии, продвигаемой умеренными националистами:

«Я сейчас думаю, что выбрать в качестве «золотого века». Думаю, это период, когда Екатерина II легализовала ислам – и до революции. Потому что татарские общины пользовались автономией, это были мини-государства, скажем так, которые считали нормально, что ими правит русский царь, которого они называли "белым царем". Вот это "золотой век"» (БТ-6).

Однако понимание «золотого века» в повседневных представлениях не всегда соответствует официальному историческому дискурсу. Важную роль в интерпретации событий на повседневном уровне играет коммуникативная память, то есть исторические знания, которые мы получаем в общении со старшим поколением. В следующем нарративе видно, что екатерининская эпоха оценивается как экономически благоприятное время для развития татарского народа, а о религии нет и слова:

«Мне рассказывали такую вещь старики, что золотым веком, золотым временем называли екатерининскую эпоху, так как народ жил припеваючи, нам не надо было армию создавать, расходов лишних не было, работой и живи. И наша нация набирала большие обороты, появились свои богачи, капиталисты свои, меценаты, и можно было культуру свою развивать и все такое. То есть пока эта революция не нагринула» (БТ-15).

Во-вторых, имя Екатерины II часто звучит в ответе на вопрос «Великие люди в истории страны?». В следующем фрагменте интервью информант оценивает значимость правителей на основе их вклада в позитивное развитие страны:

«И: Какие великие правители в истории страны?»

Р: Пётр I – огромное количество реформ, европеизация, Екатерина II – уставная (имеется ввиду «Жалованная» – прим. авт.) грамота дворянству, Александр II отменил крепостное право» (БВ-14).

Важно отметить, что интервью, в котором информант обосновывает значимость Екатерины II через упоминание конкретных исторических событий, скорее исключение. В основном информанты имеют очень абстрактные представления о деятельности императрицы, но убеждены, что она была великим человеком:

«И: Какие выдающиеся личности есть? Прошлого? Кого выделишь? Образцовые или плохие?»

Р: Во-первых, Екатерина II, и войны тогда тоже вроде не было. Или были...

И: Может, завоевывала?

Р: Или завоевала, самый такой мощный правитель, великий человек» (КПК-2).

Особое значение для некоторых информантов имеет то, что Екатерина II не вписывается в гендерные стереотипы того времени. Женщина не только эффективно управляла государством, но значительно расширила его территорию:

«...Екатерина II. Человек прибыл из Европы сюда, и не стала подчиняться и развязала войну с кем-то. Я почему-то всё время восхищался ей на уроках истории, вроде думал, хрупкая женщина достаточно, а сделала многое для России» (БВ-4).

В-третьих, самым неожиданным сюжетом, который появился сразу в нескольких интервью в связи с Екатериной II, стала продажа Аляски США. Известно, что император Александр II, правнук Екатерины, продал Аляску в 1867 году, однако, информанты настойчиво приписывают это деяние Екатерине II:

«И: А Екатерина II почему?»

*Р: Ну, она по-моему как бы то, что, ну как сказать, много, не одна из, не первая женщина, но самая лучшая правительница как бы была, одна из лучших, то, что многие ей подчинялись, много она тоже, наверное, каких-то переломных событий провела, конечно, п***** [потеряла – прим. ред.] Аляску»* (ВПМ-6).

В другом интервью повторяется та же мысль:

«Я горжусь Петром I, Екатериной II Великой... Хоть у США и есть Аляска, богатая всеми этими ресурсами, но это маленькая Аляска, а не наша Сибирь. Горжусь личностями, хочется гордиться всеми победами в войнах, когда те же самые личности умудрились сохранить в России ценное и не дали ей распасться» (ВПМ-3).

Миф о продаже Аляски при Екатерине Великой появился благодаря популярной песне 90-х гг. «Не валяй дурака, Америка...» рос-

сийской группы «Любэ», в которой упоминается имя Екатерины II и продажа Аляски. Стоит отметить, что по данным опроса все же песни считаются наименее надежным источником исторических знаний.

Обратимся далее к анализу результатов массового опроса жителей Казани. Среди ответов на вопрос «Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас?» четвертое по популярности место занимает екатерининская эпоха (таб. 1). Заметим, что «время правления Екатерины II» – это самый интересный период истории Татарстана в составе российского государства. «Золотым веком» правление Екатерины II считают только 2,8 % респондентов.

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (не более 3-х вариантов ответов)	Татары N = 500	Русские N = 500	Итого N = 1 000
Волжская Булгария	39,4 %	28,2 %	33,8 %
Казанское ханство	23,6 %	15,8 %	19,7 %
Золотая Орда	20,6 %	18,8 %	19,7 %
Время царствования Екатерины II	13,8 %	14,6 %	14,2 %
История Казанской губернии в XIX веке	12,0 %	13,2 %	12,6 %

Таблица 1. Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана¹

Отвечая на вопрос, кто из выдающихся личностей сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны, 17 % указали Екатерину II. Она входит в тройку лидеров, если учитывать все ответы. Однако наблюдается разница между ответами татар и русских. Екатерина II занимает четвертое место среди выдающихся личностей для татар и третье место для русских (таб. 2).

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны?	Татары N = 500	Русские N = 500	Итого N = 1 000
Петр I	39,6 %	37,0 %	38,3 %
В.В. Путин	29,0 %	26,4 %	27,7 %
Екатерина II	15,6 %	18,4 %	17,0 %
А.С. Пушкин	16,2 %	16,8 %	16,5 %
И.В. Сталин	14,2 %	12,4 %	13,3 %
Ю.А. Гагарин	12,2 %	12,8 %	12,5 %
А.В. Суворов	8,6 %	15,2 %	11,8 %

Таблица 2. Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль в истории России

¹ Здесь и далее в таблицах представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не том порядке, в котором они стояли в анкете, а с учётом их процентного соотношения.

Религиозная принадлежность респондентов, так же как и этническая, влияет на предпочтения в выборе выдающихся личностей. Влияние на историю Екатерины II отмечают 21,5 % православных и лишь 15,5 % мусульман.

Интересно, что на вопрос «Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана?» только 6 % опрошенных отметили имя Екатерины Великой. При этом большее число респондентов отметили Ивана Грозного (10,4 %), Суюмбике (12,2 %), Чингисхан (13,9 %) и других. Между татарами и русскими практически нет разницы в оценке значения деятелей в истории Татарстана. Конфессиональная принадлежность дает больше различий, чем этническая. Православные чаще, чем мусульмане упоминают российских деятелей как лиц, сыгравших значительную роль в истории Татарстана – Александра II, Екатерину II и В.В. Путина.

Как вы оцениваете роль следующих личностей в истории Татарстана	Положительная	Незначительная	Отрицательная	Не знаю такую историческую личность	Затрудняюсь ответить
М.Ш. Шаймиев	77,7 %	9,3 %	1,8 %	0,2 %	11,0 %
Муса Джалиль	73,0 %	12,6 %	1,2 %	0,7 %	12,5 %
Габдулла Тукай	72,5 %	11,0 %	1,3 %	2,7 %	12,5 %
В.В. Путин	70,0 %	15,4 %	1,6 %	0,3 %	12,7 %
Екатерина II	57,8 %	20,4 %	4,7 %	0,9 %	16,2 %
Петр I	55,3 %	19,2 %	8,3 %	0,2 %	17,0 %
Суюмбике	51,4 %	25,7 %	2,4 %	1,7 %	18,8 %

Таблица 3. Оценка роли выдающихся личностей в истории Татарстана

Оценивая роль выдающихся личностей в истории Татарстана, 57,8 % респондентов рассматривают роль Екатерины II как положительную, 20,4 % – как незначительную, только 4,7 % – как отрицательную. Вариант ответа «Не знаю такую личность» – 0,9 % – показывает, что Екатерина II довольно известная историческая личность среди жителей Казани (таб. 3). Конфессиональная принадлежность не дает никаких различий в оценке деятельности Екатерины Великой, а вот влияние этнической принадлежности можно проследить в ответах респондентов. Так, среди оценивших деятельность императрицы в истории Татарстана как отрицательную только 36,2 % татар, а русских 63,8 %.

Среди ответов на вопрос, какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего, 7 % респондентов выбрали «издание указа о веротерпимости Екатериной II». Победа в Великой отечественной войне (31,2 %), Универсиада в Казани (28,6 %) и основание Казани (22,3 %) возглавили список событий, которые вызывают чувство гордости.

По итогам анализа интервью и результатов массового опроса становится очевидным, что в рамках региональных дискурсов исторической памяти и массовых исторических представлениях деятельность Екатерины II оценивается одинаково положительно. Однако на этом совпадения заканчиваются. Жители Казани в целом не знают о конкретной деятельности Екатерины, о её влиянии на татар.

ВЫВОДЫ

Мы показали, что версии истории правления Екатерины Великой, выдвигаемые региональными элитами, далеко не во всем совпадают с интерпретациями жителей Татарстана. Региональная политика памяти, транслируемая через СМИ, учебники и научно-популярную литературу, представляет историю Татарстана как череду сменяющих друг друга эпох расцвета и падений. Время Екатерины представляется как относительно благоприятный для татар расцвет, который наступил после упадка, падения Казанского ханства. Основная критика сводится к тому, что татарский народ был лишен важного с точки зрения национального движения права на свою государственность.

Образ Екатерины II в массовых представлениях жителей Татарстана менее противоречив. Её деятельность, как в истории Татарстана, так и в истории России, оценивается однозначно положительно. Влияние коммуникативной памяти и общего российского контекста приводят к тому, что обыватели считают значимыми события, которых нет в дискурсе национального движения. Обыватели не воспроизводят дискурс о потерянной государственности. Так, вместо темы завоевания Екатериной Крыма, мы видим миф о продаже Аляски (которая на самом деле состоялась на 70 лет позже). Декларативно фольклор, песни, частушки считаются самыми ненадежными источниками исторических знаний среди респондентов, однако на деле влияние популярной культуры на массовое сознание достаточно значимо. Песни, как и кино, по замечанию Дж. Олика, вызывают сильные эмоциональные переживания, которые способствуют закреплению определенного отношения к истории.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- ВПМ-3 – татарка, 22 года, высшее образование (интервьюер – Г.Н. Юсупова).
ВПМ-6 – татарин, 32 года, среднее образование (интервьюер – К. Озерова).
БВ-4 – татарин, 19 лет, среднее образование (интервьюер – Е. Смирнова).
БВ-14 – татарка, 24 года, высшее образование (интервьюер – Е. Смирнова).
КПК-2 – татарин, 20 лет, неоконченное высшее образование (интервьюер – Е. Смирнова).
БТ-4 – Измайлов Бахтияр Искандерович, 30 лет, Татарстан (интервьюер – Р.С. Митрофанов).
БТ-6 – русский, крещён, 36 лет, высшее образование (интервьюер – Р.С. Митрофанов).
БТ-15 – болгар, 60 лет, среднее образование (интервьюер – В.А. Кутдусова).

Список литературы

- Davis, H., Hammond, P. & Nizamova, L. (2000). Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6 (2), 203–226.
- Graney, K. E. (2009). *Of Khans and Kremfins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books.
- Rorlich, Azode-Ayse (1999). History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 32 (4), 379–396.
- Shnirelman, V. (1996). *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington D. C., Baltimore, L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press.
- Zverev, A. (2002). 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography. In B. Coppieters and M. Huysseune (eds.), *Secession, History and the Social Sciences* (pp. 69–87). Brussels: VUB Brussels University Press.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
- Бадретдин, Г., Муртазин, А. & Мухаметрахимов, А. (2016, апрель 19). Царская честь: поставят ли татары памятник Эби патше на Кабане? *Сайт Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. Retrieved from: <https://www.business-gazeta.ru/article/308224>
- Баязитов, И. (2013, февраль 07). Мусульмане в России. *Независимая общественно-политическая газета «Звезда Поволжья»*. Retrieved from: <https://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/musulmane-v-rossii-07-02-2013.html>
- Бустанов, А. (2016, апрель 04). «Образ Екатерины II и идея с "возрождением" являются результатом какого-то закулисного компромисса». *Интернет-*

газета «Реальное время». Retrieved from:
<https://realnoevremya.ru/articles/29225> 20.04.2016

- Валеев, Р. (n.d.). «Трудно изжить "рабское" мышление советского журналиста». *Деловая электронная газета «Бизнес Online»*. Retrieved from:
<https://www.business-gazeta.ru/article/77749>
- Карбаинов, Н. И. (2018а). Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Власть и элиты*, (5), 211–237.
- Карбаинов, Н. И. (2018б). Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2), 45–74.
- Карбаинов, Н. И. (2018в). Образы революционных событий 1917–1920-х гг. в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Петербургская социология сегодня*, (10), 77–98.
- Карбаинов, Н. И. (2019а). Образ Ивана Грозного в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Журнал фронтирных исследований*, (4.2), 363–389.
- Карбаинов, Н. И. (2019б). Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Власть и элиты*, 6 (2), 107–133.
- Миргазизов, Р. (2002, март 21). Багаутдина Ваисов: «Служим Аллаху, а не царю». *Общественно-политическая газета «Республика Татарстан»*. Retrieved from: <http://rt-online.ru/p-rubr-kult-33480/>
- Мухаметдинов, Р. Ф. (2006). *Идейно-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.) (сопоставление с опытом Турции)*. Казань: Тамга.
- Нарыкова, Н. (2008, февраль 21). Сегодня – Международный день родного языка. *ИА «Татар-информ»*. Retrieved from: <http://www.pda.tatar-inform.ru/news/2008/02/21/98744/>
- Низамова, Л. Р. (2001). Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейс-стади Всемирного конгресса татар. В С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова (ред.) *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане* (стр. 166–233). Казань: Изд-во КГУ.
- Овчинников, А. В. (2010). Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа»). *Вестник Удмуртского университета*, (1), 79–85.
- Олик, Дж. (2012). Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*, 11(1), 40–75.
- Райхшат, А. (2017, июнь 06). «1 день – 1 экспонат»: Екатерина II. *Казанский репортер*. Retrieved from: https://kazanreporter.ru/post/2368_1_den_-_1_eksponat-_kareta_ekateriny_ii
- Сабирова, Д. К. & Шарапов, Я. Ш. (2009). *История Татарстана с древнейших времен до наших дней: учебник для студентов высших учебных заведений*. М.: Изд-во КноРус.

- Тагиров, И. (2014, март 18). Накаляются страсти. *Сайт независимой общественно-политической газеты «Звезда Поволжья»*. Retrieved from: <https://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/nakalyayutsya-strasti-28-02-2014.html>
- Усманова, Д. (2003). Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. *Ab Imperio*, (3), 337–360.
- Хакимов, Р. С. (ред.) (2014). *История татар с древнейших времен: в 7 томах. Том V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.* Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан.
- Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 40–41 (2–3), 8–27.
- Хобсбаум, Э. (2000). Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, (1), 47–62.
- Шнирельман, В. (2002). Идентичность и образы предков: татары перед выбором. *Вестник Евразии*, (4), 128–147.

References

- Assman, J. (2004). *Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. M.: Languages of Slavic culture. (In Russian)
- Badretdin, G., Murtazin, A. & Mukhametrakhimov, A. (2016, April 19). Royal honor: will the Tatars erect a monument to Ebi patsha on the Boar? *The business electronic newspaper "Business Online"*. Retrieved from: <https://www.business-gazeta.ru/article/308224> (In Russian)
- Bayazitov, I. (2013, February 07). Muslims in Russia. *The independent socio-political newspaper "Volga Star"*. Retrieved from: <https://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/musulmane-v-rossii-07-02-2013.html> (In Russian)
- Busstanov, A. (2016, April 04). “The image of Catherine II and the idea of “rebirth” are the result of some kind of behind-the-scenes compromise. *Internet newspaper Realnoe Vremya*. Retrieved from: <https://realnoevremya.ru/articles/2922504/20/2016> (In Russian)
- Davis, H., Hammond, P. & Nizamova, L. (2000). Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6 (2), 203–226.
- Graney, K. E. (2009). *Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books.
- Hakimov, R. S. (Ed). (2014). *The history of the Tatars from ancient times in 7 volumes. Volume V The Tatar people as part of the Russian state (second half of the XVI–XVIII centuries*. Kazan: Shigabutdin Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian)
- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory. *Emergency stock*, 40–41(2–3), 8–27. (In Russian)

- Hobsbawm, E. (2000). Inventing tradition. *Bulletin of Eurasia*, (1), 47–62. (In Russian)
- Karbainov, N. I. (2018b). Images of the history of “Turkic civilization” in post-Soviet Tatarstan: elite versions and mass representations. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 21(2), 45–74. (In Russian)
- Karbainov, N. I. (2018c). Images of revolutionary events of the 1917–1920^s in post-Soviet Tatarstan: versions of elites and mass representations. *Petersburg Sociology Today*, (10), 77–98. (In Russian)
- Karbainov, N. I. (2018a). The ideology of 1552 in post-Soviet Tatarstan: a version of the elites and mass representations. *Power and Elites*, (5), 211–237. (In Russian)
- Karbainov, N. I. (2019a). The image of Ivan the Terrible in post-Soviet Tatarstan: elitist version and mass representations. *Journal of Frontier Studies*, (4.2), 363–389. (In Russian)
- Karbainov, N. I. (2019b). Images of Volga Bulgaria’ history in post-Soviet Tatarstan: elite version and mass representations. *Power and Elites*, (6), 107–133. (In Russian)
- Mirgazizov, R. (2002, March 21). Bagautdina Vaisov: "We serve Allah, not the tsar." *The socio-political newspaper "Republic of Tatarstan"*. Retrieved from: <http://rt-online.ru/p-rubr-kult-33480/> (In Russian)
- Mukhametdinov, R. F. (2006). *Ideological and political trends in postSoviet Tatarstan (1991–2006) (comparison with the experience of Turkey)*. Kazan: Tamga. (In Russian)
- Narykova, N. (2008, February 21). Today is International Mother Language Day. *IA "Tatar-inform"*. Retrieved from: <http://www.pda.tatar-inform.ru/news/2008/02/21/98744/> (In Russian)
- Nizamova, L. R. (2001). Media product and “national” ideology: case studies of the World Tatars Congress. In S.A. Erofeev, L.R. Nizamova (Ed.) *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan* (pp. 166–233). Kazan: KSU Publishing House. (In Russian)
- Olick, J. K. (2012). Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Sociological Review*, 11 (1), 40–75. (In Russian)
- Ovchinnikov, A. V. (2010). A new approach to the study of the phenomenon of modern "national historiography" (for example, "the history of the Tatar people"). *Bulletin of the Udmurt University*, (1), 79–85. (In Russian)
- Raikhshat, A. (2017, June 06). “1 day – 1 exhibit”: Catherine II. *Kazan reporter*. Retrieved from: https://kazanreporter.ru/post/2368_1_den_-_1_eksponat-_kareta_ekateriny_ii (In Russian)
- Rorlich Azode-Ayse (1999). History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 32(4), 379–396.
- Sabirova, D. K. & Sharapov, J. S. (2009). *The history of Tatarstan from ancient times to the present day: a textbook for students of higher educational institutions*. M.: Publishing House KnoRus. (In Russian)

- Schnirelman, V. (2002). Identity and images of ancestors: Tatars before a choice. *Bulletin of Eurasia*, (4), 128–147. (In Russian)
- Shnirelman, V. (1996). *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington D. C., Baltimore, L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press.
- Tagirov, I. (2014, March 18). Passions heat up. *The independent socio-political newspaper "Volga Star"*. Retrieved from: <https://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/nakalyayutsya-strasti-28-02-2014.html> (In Russian)
- Usmanova, D. (2003). Creating the national history of the Tatars: historiographic and intellectual debates at the turn of the century. *Ab Imperio*, (3), 337–360. (In Russian)
- Valeev, R. (n.d.). "It is difficult to get rid of the" slavish "thinking of a Soviet journalist." The business electronic newspaper "Business Online". Retrieved from: <https://www.business-gazeta.ru/article/77749> (In Russian)
- Zverev, A. (2002). 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography. In B. Coppeters and M. Huyseune (eds.). *Secession, History and the Social Sciences* (pp. 69–87). Brussels: VUB Brussels University Press.